

И. ВИШНЕВСКАЯ

# ПОДЪИМ РОЛИ

**НА СЦЕНЕ** Театра имени Евг. Вахтангова — новый спектакль «И дольше века длится день». В главной роли железнодорожного рабочего Едигея — Михаил Ульянов.

Вот он стоит перед зрителем, этот молодой человек, вернувшийся с войны в родные казахские степи. Полустанок Буранный — ветер, пурга, метели. И всегда они шумят над головой Едигея — бураны, ветры, метели то войны, то забот, то борьбы за чье-то счастье, то битвы с несправедливостью, со злом, что еще страшнее буранов: на душе — не только на земле — вечные остаются рубцы. Но в Едигее — Ульянове нет и тени озлобления, усталости, страдания. Удивительно ясный этот Едигей, трогательно-наивно воспринимает он удары судьбы. Неестественно все это, ведь, правда, неестественно не счастье? — словно спрашивает он у людей. Жить-то надо по совести, так много заплачено, чтобы совесть была, будто хлеб, вода, воздух, неотъемлема от каждого. Едигей — казах, но Ульянов не старался передать особые национальные качества своего героя, он может быть сыном любого народа, в нем вдруг проступают милые черты тургеневского Калиныча, доброго шевченковского Кобзаря, словно высеченного из обожженного камня, мудрого пироманиевского Деда, вечного, как сама природа, хемингуэвского Старика.

Откуда эта трогательная детскость в неуступчивом бойце за человеческое в человеке, откуда эта глубинная святая народность, откуда эта теплая близость ко всем национальным характерам, откуда все это в новом герое Ульянова? Как естественна жизнь, как естествен мир, а не война, так естествен и этот актер, девиз которого — крепкая, крупно, театрально поданная простота, ощущение сцены как той самой гоголевской кафедры, с которой не игра, не представление и даже не переживание приходит к людям, но доверительный, искренний, от полного сердца, жертвенный, ничем не сдерживаемый, самосжигающий, других зажигающий — вечный монолог художника со своим временем.

А пока стоит ульяновский Едигей, раздумывая: куда же идти ему с немудрыми послевоенными багажом, где всего-то и есть непреклонная любовь, несговорчивая совесть, да еще упорная доброта, вспоминаются другие эпизоды, сцены, картины, кадры каждодневного монолога актера с огромным зрительным залом, имя которому — целый народ.

На трибуне — Ульянов.

— Кого хочу сыграть — спрашиваете вы? Сильного, умного и обязательно с народной изюминкой, хитринкой, с обаянием незаурядности, с непослушной фантазией, с деятельным юмором, с этим «черт побери» в озорном и одновременно крепком характере — сегоднешнего человека, «моего друга», как говорил некогда драматург Погодин об одном из своих героев. Вот заинтересовал меня недавно некий председатель колхоза — заваливаться стало хозяйство, пьянка сделалась обычным времяпрепровождением. И один из колхозников пил особенно «адумчиво», жаловалась жена, плакали дети, злились, а потом и сами заражались прилипчивой этой хворью соседи. И надумал председатель нечто несусветное вроде — постучал ночью в дверь к алкоголику: выходи, мол, пришло распоряжение расстрелять, все остальное уже испробовано. И бумагу накую-то казенную тычет в глаза одуревшему от страха пьянице, и от жены его, умоляющей пощадить доброго мужа, отбивается. Вышли на морозную улицу, председатель вдруг полез в карман — тыфу ты, совсем забыл: другая ведь есть еще бумага — пришло помилование. Вернулся домой — не пьет больше бывший бездельник, выровнялся, работает. Что тут скажешь — верно, неверно сделал председатель, но сделал нечто, абсолютно неожиданное, выкинул, что называется, колечко, а человека спас, может быть, методами самого Петра I, но что поделаешь — личность, размах, выдумка. Понравился мне этот характер, — завершает Ульянов свое выступление. — Вот бы такого сыграть человека — не пресный, не размазня, хоть благодари, хоть наказывай — все интересно.

На экране — Ульянов в фильме «Последний побег». Он играет необычного человека — руководителя духового оркестра в колонии для малолетних правонарушителей. Привязался к мальчику с трудной судьбой герой Ульянова. Привязался и сделал все, чтобы мальчик нашел детство. Как он делал это: ульяновский Кустов? Да именно так, как любит актер: по-своему, круто заваренно, не считаясь с условностями, приличиями. И по улицам бегал, как бешеный, хромой Кустов, и в рупор кричал с милицейских машин, и в дома врывался к родственникам обездоленного ребенка — не по правилам действовал, но действовал по своим нравственным правилам, все выше поднимая планки современной морали.

**ПО РАДИО** читает Ульянов «Тихий Дон». Вот он, Григорий Мелехов — трагически-цельный, трагический герой, трагический негерой, сильный, слабый, не такой, как все. — с дичинкой, с чужинкой, с дрожащим нервом в голосе, с тоской, с надеждой, с шолоховским пониманием толстовской диалектики характера — как река, где дважды не войдешь в одну и ту же воду.



**И СНОВА** сцена Театра имени Евг. Вахтангова — это было давно, это было недавно. — Ульянов — экскаваторщик Сергей Серегин в «Иркутской истории». Обычный, ну что необычного в примерном рабочем пареньке? Но нет, не по обычным нормам — трудовым, нравственным — живет герой Ульянова. Многие предлагали лучшей девочке в поселке — Вале — любовь, он предложил ей уважение, зная, что любит она другого, но другой — легкомыслен, окончательно съезжает он ее с пути. Сергей предлагает ей уважение, дружбу, помощь, твердую опору на всю жизнь. И Валя соглашается. Но не долгой оказалась вся жизнь Сергея — он утонул, спасая чужих детей. И так играл эту роль Ульянов, что было понятно: Сергей погибает потому, что был необычен — необычный, целиком отдавший себя другим гибнет, но моральные его сверхнормы должны становиться обычными.

Михаил Ульянов читает рассказы Шукшина. Ах, как он их читает, какие проходят перед нами прекрасные чудачки — доморощенные Галилеи, деревенские Кампанеллы, колхозные Сократы! Не надо откровенно Америку, не надо изобретать велосипед, гласит обывательская мораль. Надо каждый день творить свои велосипеды, не мешать чудачкам делать обычную жизнь необычной, так читает Шукшина Ульянов, и вместе с его героем страстно хотим мы заглянуть в микроскоп, чтобы заново открыть давно открытое в науке, для того чтобы впервые открыть доселе неоткрытое в душе.

Вахтанговская сцена — спектакль «День денской». Густой характерностью закрыл характер Друянова актер — какие-то старомодные кругло-железные бабушкины очки, тонкий сверлящий голос. Отчего это именно теперь понадобилось артисту уйти от своей индивидуальности? Думается, не смог помириться Ульянов с неоднократно тиражированным в нашей драматургии образом делового человека, который постепенно стал из драматически исключительного среднестатистически распространенным. Актеру хотелось вернуть ставшее вроде бы заурядным к уникальному, что одно только позволяет персонажу вообще сделаться конкретным героем драмы. Рядовое не вызывает удивления и восхищения, слез и смеха, зато из ряда вон выходящее зовет людей стать в ряды идеально обычного общественного бытия. Внеся новую загадочность в образ Друянова, в тип, уже в чем-то разгаданный и знакомый, артист встревожил нас друяновским характером.

Останкинская телестудия. Вечер актера Михаила Ульянова. Актера? Конечно, профессия — главное, но и не главное. Перед миллионами телезрителей стоял человек-личность, масштабы этой личности — вот, вероятно, главное. Русское актерство в вершинных своих проявлениях никогда не было замкнуто сугубым ремеслом, они были совестью века, они были вторым университетом, народной школой, их «не могу молчать!» раздавалось повсюду. Советское актерство переплывало эти гражданские традиции в беззаветный патриотизм, в идеальный пример, неотъемлемый от звания гражданина. На телеэкране Михаил Ульянов — его спрашивают, спрашивают, спрашивают, всем интересно, что скажет именно он, гражданин, мастер, о времени, об искусстве, о себе.

Фильм «Частная жизнь». Михаил Ульянов в роли крупного работника, сегодня освобожденного от дел. И впервые государственный этот человек наедине с собой, с семьей, с городом, с «частной

крупного мастера в чужом театре: Михаил Ульянов играет Наполеона в спектакле «Наполеон I».

Как много известно о легендарной этой фигуре, что же скажет нового актер Ульянов? Он сказал свое, раздвинув рамки пышной исторической мелодрамы, — личность прекрасна, без личности нет и самого человека. Опасны сверхличность, упоение собой. «Все дозволено» — не лозунг гения, но злодея, суперменство — дорога к гибели. Нашествие на Россию, где померкла слава Наполеона, — это лишь законный финал созревания диктаторской власти. Наполеон Ульянова трагичен и в счастье — там, где пограны личности вокруг, ты уже не личность и сам, и нужна была Россия, чтобы доказать это Наполеону. Не только военный крах потерпел Наполеон в России, крах нравственный — так рассказывает о своем герое Ульянов, так страстно, так одержимо рассказывает, что веришь: иначе и нельзя о Наполеоне, в нем собраны в этом спектакле и русские наполеончики — пушкинский Германн, Раскольников Достоевского.

**ЕСТЬ** у каждого актера своя визитная карточка — мочаловский Гамлет, Орлеанская дева Ермоловой, царь Федор Москвина. У Ульянова — это роль председателя в прославленном фильме «Председатель». Описывать эту роль не надо, здесь все известно, как бывает известно о произведениях классики. Но надо заметить в этой роли особую художественную отдачу актера, одержимость идеей, умение не щадить себя. Игру в последний раз. Сегодня в последний раз. Этот анонс старых трупп и трагических гастролеров взят на вооружение Ульяновым эстетически. Сегодня, как в последний раз, и поэтому отдать все до конца публике, работа должна быть сделана отлично, а работа на сцене — это страсть, отданная людям. Как важно сказать об этом сейчас, когда многие наши актеры отделили исповедь от проповеди, потеряв силу той и другой, когда игра воплакала, в полстрасти, вполголоса, вполтемперамента стала якобы знаком современности, где главное, мол, — благородная сдержанность. Но может быть, сдерживали потому, что нечего оказалось и сдерживать, вполголоса — не оказалось гражданского текста, вполнакала — не оказалось гражданской страсти.

Монолог Ульянова со зрителем длится и в его книгах, статьях, актер этот давно стал отличным литератором. Послушаем некоторые фразы из его книг и статей:

«Работы, настоянные на сердце, бывают резки». «Ничто истинно художественное не может повториться». «Эта коротенькая улица для всех вахтанговцев является улицей молодости, и улицей зрелости, и улицей последних шагов в жизни». «Люди всегда тянутся к идеалу». «Актер — всегда и публицист, пропагандист, агитатор», «Хочу выразить дух времени».

**А ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ** рабочий Едигей стоит на авансцене, задавая людям и веку свои простые и великие вопросы: что естественно для человека — счастье или несчастье, мир или война?

Так длится, пусть длится еще долго монолог актера Михаила Ульянова, обращенный к народу.

## Михаил УЛЬЯНОВ: «Хочу выразить дух времени»

жизнью». И его герой выяснил вдруг, что частной жизни нет для подобных характеров — не разделяется жизнь на службу и дом, нельзя научить человека, покинув службу, заметить дом, покинув дом, заметить службу, это уже в прошлом людей, самих называемых когда-то «частными», «партикулярными». Гражданское начало человека, как играет его Ульянов, не знает больше разделений — частная жизнь становится общественным полем, общественной деятельностью — это и есть высшее выявление всей твоей, в том числе и «частной», натуры.

Театр на Малой Бронной, старая, манящая театральная традиция — гастроль